

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

МАКС КОРБИН

ГРИНВУД

РОМАН

Москва, 2015
ЭАРМАДА
&
«Издательство А.ПЬФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
К66

Серия основана в 1992 году
Выпуск 967

Художник
В. Федоров

Корбин М.

К66 Гринвуд: Фантастический роман. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2015. — 313 с.: ил. — (Фантастический боевик).

ISBN 978-5-9922-2058-2

Могучая Бримийская империя пала. Магия родовой аристократии склонилась перед его величеством револьвером, и весь мир понял — пуля быстрее заклинания. Лиам Гринвуд — дитя послереволюционного мира, где власть принадлежит таким же обычным людям, как и он. Или это только кажется? Ведь сыну министра явно не светит наказание за убийство Джона Вулфи, лучшего друга Лиама. С этим нужно что-то делать. А тут еще и магические способности прорезаются, фэйри со своей помощью лезут да один кровожадный демон увязался...

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Макс Корбин, 2015
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2015

ISBN 978-5-9922-2058-2

ГЛАВА 1

На огромном бульжном плацу главной и пока единственной Военной академии Свободного Союза Широ́в ровными рядами выстроились курсанты. Все в парадной форме, при оружии. По толстой роже генерала Бри́ка было видно — доволен. До революции он успел послужить сержантом и страшно обожал муштру. Именно поэтому, когда стал вопрос о назначении ректора, канцлер выбрал его. Ну, возможно, еще и потому, что в юности часто выпивали вместе.

— Посмотри на них, Лерой.

— Да, сэ́р.

— Какая осанка. Даже чертовы аристократы не умели стоять так гордо!

— Да, сэ́р.

— Даже инженеры выглядят вполне пригодно.

— Да, сэ́р. — Лерой отметил про себя, что генерал в отменном настроении, раз уж даже инженеры не получили традиционного порицания.

— Возможно, даже стоят своих палашей.

— Да, сэ́р, — еще раз согласился Лерой, после чего мысленно обругал себя и окончательно проснулся. — Но я уверен, что с топорами, как вы предлагали, смотрелись бы еще лучше. — Нелегкое дело — соглашаться с начальством.

— К несчастью, тогда они на офицеров были бы похожи еще меньше.

— Да, сэ́р.

— Стрелки — вот образец силы и мужества! — Генерал перевел взгляд от серых мундиров инженеров к таким же крас-

ным, как его собственный. В отличие от остальных курсантов кроме легкой сабли у каждого стрелка имелось длинное револьверное ружье. С барабаном на семь патронов и длинным стволом, оно было гораздо тяжелее однозарядных ружей пехоты.

— Несомненно, сэр.

Генерал еще раз восхитился высокими стрелками, конечно, не такими высокими, как гренадеры, но сейчас сложно понять, ведь ребята еще растут. Вон Ратлер за последний год вымахал во взрослого гренадера, а отец категорически отказался от перевода. На чужое мнение генералу было откровенно начхать, но герой революции Ратлер занимал пост министра промышленности, не стоило ему перечить.

Брик принялся утужить взглядом пехоту и артиллерию. Да что там: португепи начищены, на мундирах ни пылинки, а медные бляхи киверов так сияют на солнце — смотреть больно.

— Красавцы, просто красавцы! — Как Брик ни старался, глаза возвращались к инженерам и выхватывали чернявого парнишку во втором ряду. Ростом немногим меньше стрелков, да и некоторых гренадеров, он совершенно не вписывался в строй. Впрочем, причин оставлять его в инженерах хватало. С легким вздохом сожаления Брик спросил Лероя: — Гринвуд еще безобразничает?

— В этом месяце замечен не был. — Уклончиво ответил Лерой. Он, конечно, подозревал Лиама в паре проделок, но доказательства отсутствовали, а шуточки тянули максимум на детскую шалость.

— А второй?.. С такой неподходящей фамилией.

— Вулфи, Джон?

— Да, он.

— Вулфи лишь подпевала, сэр.

— Хорошо. Но где же черти носят тюремщиков? В свое время я получил пулю в бедро. Оно начинает ныть от долгой ходьбы.

— Приказать принести стул?

— Ты же не хочешь, чтобы я уселся, когда курсанты стоят?

— Но ваше ранение, сэр...

— Я привык терпеть лишения, Лерой.

— Да, сэр, — ответил Лерой и украдкой глянул на огромное выпирающее пузо. Имея такое, тощий Лерой не смог бы простоять и пяти минут.

— Наконец-то перестал пялиться, — сказал Джон. Он находился в первом ряду, поэтому говорить приходилось, не шевеля губами. Впрочем, делал он это мастерски. Вот у Лиам получалось гораздо хуже.

— Думаешь, пронюхал, Волчонок?

— Не трусь, никто не знает.

— Как думаешь, где их берут? — тихо спросил Лиам.

— Кого?

— Ведьм.

— Откуда ж я знаю? — Так же тихо прошептал Волчонок.

— Шестнадцать лет после революции прошло, а они все никак не переведутся. Я думал, крысы всех переловили.

— Заткнитесь оба, — прошипел стоящий рядом Кэвин. — Вечно от вас одни проблемы. Не дай бог, наставник услышит — опять половине взвода плетей выпишет.

— Ты бы лучше пятно с формы счистил, — поддел Лиам.

— Где? — В голосе Кэвина зазвучала явная паника. Он стоял в первом ряду, а Брик мог и за меньшее выпороть.

— Не тупи, — успокоил Джон. — Лиам пугает.

— Чтоб вас... — Кэвин так разозлился, что едва не плюнул под ноги прямо на глазах у Лероя. А тот не меньше Брика любил раздавать курсантам плети.

— Если б не чертова ведьма, могли бы отправиться домой уже с утренним дилижансом, — подсадовал Лиам.

— Тебе совсем не жалко? — спросил Волчонок.

— С чего бы мне жалеть какую-то старуху?

— Мой друг бессердечен.

— Волчонок, ведьма — не человек.

— Никто не заслуживает сожжения живьем.

— Вот сейчас и узнаем. Слышишь?

За спинами курсантов зазвенели подковы, и тут же послышался грохот выехавшей на булыжную мостовую кареты. Несмотря на длительное ожидание даже такие смутьяны, как Вулфи и Гринвуд, не посмели развернуться и посмотреть. Их спины и так довольно хорошо познакомились с плетями мис-

тера Донована. А поэтому порки по возможности старались избегать.

Карета миновала ровные ряды курсантов и остановилась возле группы наставников. Генерал со своим адъютантом держались особняком. Первым из кареты выскочил здоровенный судебный пристав в древней церемониальной треуголке, с окованной медью палицей на поясе. В отличие от пыльной треуголки медь палицы хоть и темная, но синевой не отливала. Похоже, пристав чистил оружие чаще шляпы, а может, и не чистил — использовал по назначению. Убедившись, что добрался в нужное место, пристав сунул руку в карету и рывком выудил оттуда совсем еще юную белокурую девушку.

— Господи, да она моложе нас! — ошарашенно прошептал Волчонок, отчетливо шевеля губами.

— А ты думал, ведьмы рождаются старыми? — резонно возразил Лиам, хотя и сам ожидал увидеть старуху. — Наверное, дочь дворян, не успевших сбежать на Дикий континент.

— Лиам, она ребенок!

— Она молодая девушка. Примерно на два года моложе нас.

— Не думаю, что ей уже есть четырнадцать.

— Законникам виднее. Кроме того, посмотри: кляп, повязка на глазах, колодка на руках. Они не знают, как она колдует и чего можно ждать. Ведьма не из джентри¹, а из пэров². Наверняка даже уши забиты воском и ватой, чтобы не услышала лишних имен, не прокляла перед смертью.

В животе Лиам запорхали бабочки. Верный признак жуткой головной боли, что приходит, если долго не принимать лекарства. Боль бывала настолько сильной и резкой, что Лиам мог прийти в себя на земле в неизвестном месте, не помня о том, что делал и почему здесь оказался. Вот уже три года он прятал недуг от всей академии. Нередко при помощи Волчонка.

---

¹ Джентри — младшее дворянство: джентльмены, эсквайры, рыцари и баронеты. — *Здесь и далее примеч. авт.*

² Пэры — высшее дворянство: бароны, виконты, графы, маркизы, герцоги.

— К черту! — рыкнул Лиам и постарался посильнее разозлиться. Иногда злость помогала прогнать боль. А вот Волчок записал последнюю фразу на счет ведьмы.

Пристав подвел девушку к высокому каменному столбу и со сноровкой привычного человека в несколько движений опутал цепями. Девушка, почувствовав неладное, дернулась было бежать, но пристав опередил. Схватив за шкуру, швырнул пленницу на грубый деревянный помост около столба. Свободной рукой закрепил цепи высоко на стальном крюке и сделал два шага назад. Посмотрев, как девушка извивается, пытаясь освободиться, он одобрительно кивнул.

Теперь в дело вступил местный завхоз мистер Донован — человек грубый, недалекий, любящий человеческие страдания так же сильно, как и картофельный самогон. Донован расплескал на помост полбанки керосина, подумал, плеснул еще и на платье девушки. Остатками обрызгал сложенные вокруг помоста вязанки хвороста. Нужно, чтобы сразу занялся сильный огонь, иначе толстые поленья под помостом не разгорятся, а Донован не хотел опростоволоситься.

— Готово, сэр, — обратился он к генералу.

— Поджигай, — разрешил тот и приготовил надушенный моднейшим парфюмом платочек.

Прежде чем зажечь костер, Донован ударил-таки лицом в грязь. Так хотел, чтобы все прошло идеально, но сломал три спички и только с четвертого раза поджег хворост. Дальше пошло правильно. Огонь разгорелся мгновенно и с такой силой, что представление закончилось уже через двадцать минут. Вопреки всеобщим ожиданиям девушка не кричала. Жар и боль убили ее быстрее, чем перегорели завязки кляпа. Получилось слишком тихо и буднично. Даже костер не трещал — едва взвившись, пламя загудело. Завхоз использовал самые сухие и быстрогорящие дрова, щедро пересыпав их древесным углем. Пламя взвилось гораздо выше старых каштанов, что окружали плац, поэтому курсанты так и не почувствовали пресловутого запаха горелой плоти, да и генерал зря доставал платок. Дыма почти не было, а тот, что был, ушел в небеса.

Когда от дерева остались только угли, а самые длинные языки пламени едва доставали до раскаленного стального

крюка, Брик кивнул горнисту, чтобы трубил отбой. Курсанты начали расходиться, только Волчонок замороженно смотрел на горящие останки, болтающиеся на оранжевых от жара цепях.

— С тем же успехом можно было пустить пулю в лоб, — печально произнес он.

— Не могу с тобой не согласиться. Ведьмы и колдуны, что правили старой империей, несомненно, заслужили костер, эта вряд ли успела натворить столько же. Джон, как бы печально все ни выглядело, скорбеть по ведьме — все равно что скорбеть по вампиру или оборотню. — Боль миновала, но поднятая из глубин злость еще бушевала.

— Лиам, ты урод.

— Урод успеет на вечерний дилижанс. А мистер большая совесть...

— У тебя ее вообще нет.

— Есть. Ты моя совесть, Волчонок. Не поспешишь, бессовестно оставлю на растерзание Ратлеру. — Дружески хлопнув Джона по плечу, Лиам направился в общежитие за дорожным саквояжем Волчонка и своим вещмешком. Никакие мелочи вроде сожжения ведьмы больше не могли задержать его в академии ни на секунду. Со звуком горна пришли летние каникулы, а их Лиам собирался провести дома: поближе к лесам и рекам, подальше от заносчивых курсантов и нудных преподавателей. Тем более что Волчонок жестоко унизил Ратлера на последнем уроке фехтования. О прощении речи не шло. Об этом говорила ноющая после вчерашней стычки скула. Спас наставник, но Ратлер как сын высокопоставленного чиновника получил лишь устное порицание, и Гринвуд очень надеялся отложить все неприятности, связанные с мстостью, на следующий учебный год.

ГЛАВА 2

Ночь оказалась довольно прохладной, но дождя не ожидалось — на небе ни тучки. В противном случае ребята пожалели бы о сэкономленных деньгах, но сейчас, разлегшись на крыше дилижанса, единственные пассажиры эконом-класса чувство-

вали себя гораздо лучше, чем набитые как сельди в бочке пассажиры в карете под ними.

Звезды яркой россыпью освещали небо. Луна с месяцем шли на убыль и превратились в тонкие серпы. Будто два огромных прищуренных глаза неведомого чудовища с известной ленцой наблюдали за потенциальной добычей. Чудовище нынче насытилось и не собиралось срываться в погоню. Оно просто напоминало дичи, что не стоит наглеть, как и терять уважение к естественному порядку вещей.

— Такая же ночь была, когда де Арле встретил Графа-бродягу. — Вспомнил Лиам описание из одной книги.

— Как человек, столь люто ненавидящий магию, может любить запрещенную литературу?

— Брось, Волчонок, я люблю литературу, а не запрещенную литературу.

— Назови любимого героя, — потребовал Волчонок.

— Тибо де Арле, — нехотя признал Лиам.

— Хотя вся академия знает, что нужно говорить: Джек Майнер — свободный ведьмолов.

— В задницу Майнера, он тупой!

— Тише... — прошипел Джон. — Не дай бог, услышит кучер или кто-то из пассажиров.

— Извини, скажем, что говорили об артиллеристе со второго курса, — исправился Лиам.

— О том, что мел жрал?

— О нем самом.

— Так почему Майнер тупой?

— Он весь такой честный, белый и пушистый, что аж тошно, — намного тише продолжил Лиам. — При этом крошит могучих ведьмаков направо и налево. А самое главное, что конкретно ему маги не сделали ровным счетом ничего. Он, видите ли, руководствуется высокими моральными мотивами.

— Все еще не понимаю, — покачал головой Волчонок.

— Где ты видел шахтера-трезвенника, руководящегося высокими мотивами?

— Согласен. Здесь мистер Томпсон допустил оплошность.

— Издеваешься? Майнер отдает последние гроши сиротам, а потом покупает тарелку отрубей в таверне — это оплошность.

А «Святой поход Джека Майнера» — сплошное недоразумение.

— Зато образами колдунов ты должен быть доволен.

— Господи, Волчонок, меня от них тошнит. Они настолько же плохие, насколько Джек хороший. Кроме того, тупые до крика. И это аристократы, что с пеленок учились разным наукам!

— Удивил, — признал Волчонок, но Лиам не слушал.

— Туссейнт — вот настоящий антигерой. Умен, коварен и, заметь, далеко не трус. Как ловко он сблизился с Тибо, чтобы добраться до наставника! А сам де Арле? В стремлении отомстить готов не просто убивать, а наслаждаться муками врагов. И так до тех пор, пока не убил невиновную девушку.

— В этом отношении Майнер намного симпатичней.

— Майнер тоже наслаждается болью жертв, — возразил Лиам.

— Он не убивает невиновных, — поправил Волчонок.

— Он не раскаивается!

— Твой Тибо тоже не рыдает над трупами врагов.

— Я знал, что не устоишь, дочитаешь, — улыбнулся Лиам.

— Ты бы не отстал.

— Правда, но после смерти девушки...

— Убийства девушки, — вновь поправил Волчонок.

— После убийства он всегда старается поступать справедливо. Прежде всего де Арле хочет быть уверенным, что человек заслуживает смерти. Больше нужного не мучит, даже Туссейнта убивает быстро, хотя уж кто-кто, а этот колдун заслужил того, чтобы помучиться напоследок.

— Ты восхищаешься им, — не то спрашивая, не то утверждая, сказал Волчонок.

— Я твердо понимаю, что де Арле всего лишь выдуманный персонаж. Но какой! Возможно, рукийские дворяне и были близки к этому образу, но там восстание вспыхнуло еще раньше, чем у нас. О чем-то это да говорит...

— О чем?

— О том, что таких дворян, как Тибо, на самом деле не было.

— Ха-ха-ха! — Звонкий смех Волчонка взвился к звездам. — Только ты мог прочитать книгу о благородном герое и прийти к заключению, что его придумали негодяи.

Слова Волчонка заставили Лиам задуматься, каким был автор любимой книги — Фабрис де Брюссар. Ведь он всегда думал о дворянстве в целом и не сомневался, что лорды и джентльмены — «болезненная сыпь на теле общества». Но разве человек, чуждый морали и твердых жизненных убеждений, смог бы придумать настолько живого, искреннего героя?

— Никто мне отца и мать не вернет. Кроме того, имею я право на собственное мнение? — сказал Лиам. — Сейчас оно подсказывает, что нужно спать. Дилижанс в Кирби может оказаться еще более загруженным. — В подтверждение своих слов Лиам пододвинулся к бортику и расстегнул пояс. Высвободив из нескольких петель, парень просунул свободный конец между крышей и бортиком, после чего вновь застегнулся. Немного подергав пряжку и поерзав, он убедился, что не свалится. Волчонок поступил умнее и привязал к поясу толстый кусок пеньковой веревки, предварительно закрепив второй конец на бортике. — Умный, да? — завистливо спросил Лиам.

— Ну, мне не придется спать с металлической трубой в обнимку. — Уклончиво, не без ехидства ответил Волчонок.

— А больше веревки нет? — обычно ребята все делили на двоих и делали вместе, поэтому, если Джон приготовил веревку себе, то и для Лиам она должна была найтись.

— Нет, — соврал Джон.

Второй кусок действительно имелся, но Волчонок еще сердился на друга за поведение во время казни.

— Чтоб тебе ведьмы всю ночь снились! — оценил подлянку Лиам.

— И тебе спокойной ночи! А главное, удобной.

ГЛАВА 3

К родному хутору Лиам добрался через четыре ночи. Уставший как черт и довольный как собака, получившая свежую кость. С Волчонком расстались в Бериде и там же зарыли топор войны. Оба понимали, что в противном случае будут волноваться все лето. Лиам поименно передал привет каждому члену многочисленного семейства Вулфи, а Джон — приемно-

му отцу Лиам Безумному Финли. На том и разошлись. Волчок продолжил путь к родной деревне на телеге знакомого рыночного торговца, а Лиам забрался под листву дубовой рощи, что граничила с лесом.

Роща — излюбленное место отдыха зажиточных горожан. Так как была суббота, многие из этих бездельников раскинули клетчатые одеяла на зеленой травке и лениво жевали сэндвичи, запивая местным темным, знаменитым на полстраны пивом. Часть ребятни носилась как угорелая, гоняя старый, не раз уже латанный мяч. Иногда орава дружно останавливалась и долбила друг друга по лодыжкам, пока мяч не выскакивал из ловушки. А вот те, которых в игру не взяли, смотрели на сверстников и завистливо пускали носом пузыри густых зеленых соплей.

В футбол Лиам научился играть в академии. В его детстве не было таких развлечений. Зато стрелять и драться на клинках уже тогда мог получше многих наставников. В этом найти учителя лучше Финли сложно. Шпага, палаш, сабля, кинжал, нож и стилет, а также мушкет и винтовка, пистоль и револьвер — вот друзья детства Лиам. Зато теперь не требовалось обходить глухие чащобы и тратить на дорогу два лишних дня. Здешние леса он знал лучше местных охотников, поэтому и не боялся.

Чем дальше в рощу, тем ближе друг к другу дубы, тем больше кустарников и прошлогодней листвы на земле и, соответственно, меньше отдыхающих горожан. Когда последние остались далеко за деревьями, Лиам сбросил вещмешок, выудил короткий охотничий скиннер в кожаных ножнах, прицепил на пояс. Ножны стилета прикрепил на внешнюю сторону левого предплечья поверх одежды. Правда трехгранная железка без гарды была настолько длинной, что острие выглядывало из ножен. Лиам достал из мешка двуствольный обрез. Преломил и вогнал в трубы удлиненные патроны сорок пятого калибра. Как уже говорилось, Лиам не боялся леса, скорее, лес бежал от него в ужасе.

Домой Лиам притащил двух зайцев — добыл броском стилета — и три медвежьих капкана. Часть леса, в которой они стояли, никогда не изобиловала крупным зверем, а мелкого

такой капкан надвое переломит. Ничего зазорного в том, чтобы отобрать у неуча орудие охоты, Лиам не видел.

Стемнело уже изрядно, но звезды да луна с месяцем еще не засияли. Внезапно лес кончился, парень скорее почувствовал родной дом, нежели увидел. На чистом и широком лугу росли высокие, чуть ли не по пояс, травы. Лиам провел рукой по верхушкам, сорвал парочку. В руке оказалось несколько васильков да пара зеленых колосьев одичалого ячменя. Раньше, еще до революции, здесь было поле, а сейчас лес медленно отвоевывал земли. В прошлом году, как помнилось Лиаму, маков и васильков уже выросло больше, чем ячменя. А молодые сосенки с тисами хаотично возвышались над травами самое большое в двадцати метрах по эту сторону старого поля. Пройдет еще десяток лет, и молодые деревца войдут в силу, начнут плодоносить, лес сожрет еще немного луга.

Проблемы в этом Лиам не видел. Он любил и уважал лес. А людям новые поля еще не скоро понадобятся. Переживших революцию и пять страшных поветрий осталось слишком мало, чтобы охватить все земли. Зато народ стал богаче и зажиточней. Не зря, — считал Лиам, — бримийцы прогнали колдунов-аристократов с их Трусливым королем. Теперешние налоги идут в казну на развитие наук, армии и флота — таким же людям, как и он, на пользу.

Парень взял левее и вскоре увидел высокий старый частокол из ошкуренных сосновых бревен. Столбы так плотно подогнали друг к другу, что даже днем сквозь них ничего нельзя было увидеть. Щели в частоколе просто-напросто отсутствовали. Ворота, достаточно широкие для того, чтобы в них проехала не только сельская телега, но и почтовый дилижанс, как всегда на памяти Лиама, оказались надежно заперты и плотно подперты. Впрочем, они Лиама не интересовали, скорее, парень просто проверял, не изменилось ли чего почти за год отсутствия. Настоящий вход левее, и, если бы не огромный висящий замок да кованая ручка, это место ни за что было бы не отличить от обычной стены частокола. Кстати, замок из таких, что, если в него засыпать хороший заряд пороха, это наверняка подпортило бы механизм, но не открыло бы его. Параноик Финли испортил два таких своим лучшим порохом — для про-

верки. А петли, на которых замок держался, крепились к металлической планке с внутренней стороны частокола — как будто хутор кому-то сдался, — улыбнулся Лиам. — Наверное, Финли просто повторил устройство колониального форта, в котором служил в дни юности, но не смог придумать, как запирать снаружи, ведь изнутри гарнизона для охраны не имелось.

Как, впрочем, не было с собой ключа и у Лиам. Зато имелись плотные кожаные перчатки; надев одну на правую, Лиам полез в заросли высокой крапивы. Тут же выскочил, громко матеря на чем свет стоит интендантскую службу академии. Тонкие бриджи совершенно не защитили ног, и теперь они покрывались быстро вспухающими волдырями ниже колен и в нескольких неприятных местах, где иглы крапивы пробили еще и подштанники. Зато он достал сверток толстой промасленной парусины, в которую Финли прятал запасной ключ.

Дом встретил тишиной. Лиам повесил замок на крюк, запер дверь на щеколду (ее можно и снаружи открыть) и взялся за скиннер. Дневной переход давал о себе знать, отчаянно зевая, Лиам свеживал зайцев и едва не путал мясо с пальцами. Но натянуть шкурки на специальные рамки сумел, даже выпустил кишки, отрезал головы, занес тушки в погреб и бросил в бочку с рапой. Пускай мясо натянется солью, зато не испортится. Для приготовления супа — то, что надо.

Перед сном еще слазил на чердак и снял полоску копченой оленины. Как ел, уже не помнил. Добрался до постели, стянул сапоги и заснул. Посреди ночи разбудил звук взвоящегося курка.

— Завтра, Финли, завтра... — пробормотал Лиам, и другой звук известил, что курок вернули на место.

ГЛАВА 4

— Доброе утро, лежебока.

— Отстань, я же говорил, утром, — пробормотал Лиам.

— Уже утро, вставай!

Все так же механически Лиам приоткрыл глаза, еще ничего не видя, сел и поставил ноги на пол.

— Тво-ою!... — крикнул он, вскочив обратно на кровать. В глазах прояснилось, а сон как рукой сняло. — Что за?.. — Лиам посмотрел на пол и увидел пару полос металла.

Несомненно, работа довольно хихикающего Финли. Со всем не изменился: стройный, широкоплечий; с такой же черной и густой, но сейчас аккуратно подстриженной бородой, длинными, до плеч, распущенными волосами и по-детски озорным взглядом.

— Проснулся? Я это еще прошлый раз придумал. Берешь ржавый металл, мажешь топленным салом и оставляешь на ночь в погребе, чтобы был холодным.

— Да уж, ощущения, будто на слизняка наступил. — Совершенно не обидевшись, подтвердил удачность проделки Лиам. — Можно проверить в академии.

— Что, старые шрамы уже не болят?

— А! — отмахнулся Лиам. — В этом году нас еще два раза пороли.

— Да?! Что натворили? — совершенно без порицания заинтересовался Финли.

Лиам считал, что именно из-за своей любви к розыгрышам отец и не прижился в деревне. Хотя старый охотничий коттедж графа Плю из Бериде, превращенный Финли в колониальный форт, куда удобнее тесной крестьянской лачуги. Да и поветрия к нему еще ни разу не добрались.

— Добавили перца в генеральский завтрак, это раз, а второй раз попались на самоволке.

— Всего-то? — разочарованно протянул Финли.

— Это заметили.

— Что еще было? — оживился Финли.

— Разбавили вино стрелкам...

— Мочей?

— Откуда знаешь?

— Служил. Солдаты всегда мочились в офицерское вино. Ничего нового.

— Так мы ж не в офицерское.

— Все равно, мелкая пакость элите. Стрелки еще в старой империи на хорошем счету были.

— Элита, как же... — фыркнул Лиам. — Волчонок Ратлера на последнем уроке фехтования трижды обезоружил.

— Чем дрались?

— На шпагах. У Джона к ним настоящий талант, — гордо заявил Лиам.

— Ну и конечно же немного твоей помощи...

— Ты не хотел, чтобы я показывал, чему научился, так я и не показываю, старательно валяю дурака на тренировках. Хотя до сих пор не пойму почему.

— Да потому, что я учился у аристократа, балда. У настоящего барона! Палаша и сабли еще куда не шло, но шпаги...

— Никто не заметит, — пообещал Лиам. — Я понемногу с первого курса приемы показываю. А наставник честно считает, что мастерство Волчонка — его заслуга.

— Наберетесь еще проблем.

— Собственно из-за этого нам пришлось покинуть академию как можно скорее. Ратлер хоть и тупой, но провалами памяти не страдает. Так что в следующем учебном году обязательно будет мстить.

— Вот только следующий год всего через три месяца наступит.

— Н-да... — Лиам скривился и почесал затылок. — Приятного мало.

— И что он может придумать?

— Ничего интересного. Скорее всего, просто изобьет. Если честно, у нас мало шансов. Он здоровый, да и дружки ему под стать.

— Вот и зачем? Шутить нужно так, чтобы никто на вас не подумал, но и другим не влетело. Кроме жертвы шутки.

— Хорошо, мы засыпали в револьверные патроны наставника новый порох. Он та еще сволочь, любит инженеров под плети ставить, если плохо отстреляемся. Вот мы и отплатили, отдача была... нос расквасил.

— Уже лучше. А что за порох? — Оружие наибольшая страсть Финли. Собственно, главная. На втором месте охота, на третьем, как ни странно, — книги, а розыгрыши только на четвертом. Отдельным пунктом стоят шлюхи. Иной раз Финли

мог обходиться без них по полгода, но бывали периоды, когда не вылезал из борделей.

— Я привез пакетик. Стянул из личных запасов Донована. Бездымный, взрывается получше, но со временем становится жутко нестабильным. В Университете Великой революции придумали, — с явным уважением сказал Лиам. Финли только хмыкнул.

— Да уж, все там жуткие умники. На это посмотри, — достал из кобуры револьвер, надавил на барабан. Тот послушно отскочил влево. Финли надавил на основание барабана, и все патроны одновременно повыскакивали из гнезд. — Ну, что скажешь?

— Твоя разработка?

— Ага.

— В академию прислали несколько штук переламаывающихся револьверов, так вот, в них гильзы сами выскакивают после открытия.

— Ладно, — помрачневший Финли вынул торчащий из барабана патрон и бросил Лиаму. — Додумались ваши инженеры до такого?

— Оболочка? Давно уже, только у тебя стальная, а мы медную используем, вернее, мельхиоровую — сплав из меди и никеля. У нас пуля полностью закрытая.

— Вот! Я оставил носик открытым, чтобы не рикошетила.

— Трудно судить. Не думаю, что мельхиоровые пули будут сильно рикошетить. Кроме того, стальные могут ржаветь. Как скажется на точности? А какой будет износ ствола?

— Пошли завтракать.

— Эй, Финли, обиделся?

— Нет, конечно. — Финли вздохнул. — Просто ты прав.

— Могу успокоить. Мельхиоровая оболочка слишком дорогая. Такие пули еще не скоро начнут выпускать массово.

— Ты прав, сталь нужно чем-то покрыть. Да и над экстрактором поработать, чтобы гильзы сами выскакивали. Пошли завтракать, я твоих зайцев стушил с луком и картофелем, — внезапно сменил тему Финли.

— А сам-то вчера что подстрелил?

— Ничего.

— Как? — На секунду у Лиам отвисла челюсть. — Опять с Грэгом в бордель ходил?

Грэг — старый знакомый Финли — тоже обожал охоту и оружие, но был ниже, шире в плечах и изредка подпускал к своему лицу бритву. Лиам иногда не мог понять — друзья эти двое или как. Могут не видаться месяцами, но доверяют друг другу в таких интимных и опасных вещах, как походы в бордель и пьянки в припортовых кабаках.

— Не твое дело, — набычился Финли.

— Стареешь... — улыбнулся Лиам. — Раньше и по пьяни из походов без добычи не возвращался.

— Все, хватит! Пошли завтракать. Сегодня еще лесозаготовкой заниматься.

ГЛАВА 5

Тяжелые капли пота прочертили на лице Лиам дорожки к подбородку. Финли сжалился и разрешил отдохнуть. Сам, не смотря на то, что махал топором гораздо энергичнее, по-прежнему оставался свежим и бодрым.

— Распаскудила тебя твоя академия. Совсем чахликом стал.

Лиам хотел возразить, что по выносливости один из первых, но вспомнил: Финли не знает, что такое «один из». В его понятии лучший — или нет.

— Да ну тебя. Побегая по лесам, подтянусь.

— Ну-ну, — усмехнулся Финли. — Книги привез? — внезапно вспомнил он.

— Ты же современные не читаешь, подавай дореволюционные, а их ты и так все перечитал.

— Еще есть контрабанда из Новой Бримии.

— Смерти моей хочешь? Не стану такое покупать.

— А у меня такая имеется. — Финли хитро сощурился.

— Кто написал?

— Патрик Доггерти.

— Человек или колдун?

— Откуда ж я знаю? Может, простолюдин, а может и джен-три или даже пэр. Главное, что интересная. А какие там герои!

— Не искушай, сатана.

— Я старовер.

— Ты, главное, никому не говори. За веру в Небесный Триумвират тоже сжигают.

— Да плевал я! Это вера предков.

— Как хочешь, только когда в префектуру пойдешь налоги платить, не кричи, что служишь Солнцу, а не Единому Богу.

— Ты многое забыл. Воин служит Месяцу. Только мудрецы и судьи служат Солнцу.

— Тоже мне, воин. Шестнадцать лет из лесу вылезает только в бордель да кабак.

— А что, поведение вполне героическое, не хуже, чем в древних сагах. Все, отдохнули, давай бревна грузить.

Финли с Лиамом рубили молодые грабы и клены, что в лесной тесноте вытягивались в погоне за солнечным светом. От этого стволы становились длинными и относительно тонкими. Из одного дерева получалось примерно два бревна да еще куча толстых веток. Лиам вцепился в край самого толстого бревна, крикнул от натуги и рывком взвалил на плечо. Финли проделал то же самое с другим концом, но таким плавным и уверенным движением, что Лиам невольно позавидовал.

Бревна грузили на низкую, хоть и длинную телегу, но они все равно торчали. У телеги имелся секрет — правый борт можно было опустить, поэтому с разгрузкой мог справиться один человек, даже не обладая силой Финли. Когда все два десятка бревен погрузили, Финли вставил в рот два пальца и свистнул настолько пронзительно, что у Лиамы в ушах зазвенело.

— Сейчас примчится.

И действительно, почти сразу же послышался глухой топот неподкованных конских копыт — бежал Монстр.

В нем почти сто девяносто сантиметров и девятьсот кило. Финли любил силу и мощь, поэтому называл вещи и животных именами сильными, говорящими. Когда Лиам был еще ребенком, у них жил кот по имени Убийца. Летом кот питался исключительно перепелками, а зимой часто приносил домой белок. Он был жутким хвастуном и не упускал возможности показать хозяевам свою добычу. Убийца погиб от ран, полученных в схватке с лисом, но прежде успел показать добычу

Лиаму. Ему не хватило сил дотащить лиса, поэтому он привел паренька к трупу.

Убийца в отличие от Монстра любил Лиаму. А вот жеребец подпускал к себе редко. Действительно говорящее имя. Со скверным характером этой животины мог справиться только Финли. Он и взялся запрягать коня в телегу, а Лиам только восхищался рельефной мускулатурой, длинной гривой и элегантными фризами, что спускались к самым копытам, как чулки. В роду Монстра явно читался тинкер¹, но была и другая порода, поскольку тинкеры такими большими не вырастают.

От созерцания этой красоты Лиаму отвлек хрипловатый лай.
— Зверь!

Старый волкодав прыжком повалил парня на землю, едва не вышибив дух.

— Гав! — рявкнул Зверь, радостно молотя длинным хвостом по ногам.

— Я тоже рад тебя видеть, старик! — Лиам приподнялся, почесал пса за длинным лохматым ухом.

Монстр только фыркнул от такой фамильярности. Впрочем, и Зверь до облизывания не опускался никогда.

— Все еще отпускаешь в лес одного? — недовольно спросил Лиам у Финли.

— А что?

— Он уже старик. Поберег бы...

— Вуф! — возмутился Зверь.

— Не сомневаюсь в твоей храбрости, но ты уже не так быстр.

— Гав! — рявкнул Зверь.

В мгновение ока Лиам вновь оказался на земле, а горло его — в пасти Зверя.

— Ладно, старик, твоя взяла.

Зверь отпустил Лиаму, и тот мог поклясться, что лохматая псина ухмыляется.

---

¹ Т и н к е р — массивная и грубо сбитая порода лошадей с густой гривой, челкой и хвостом. Их копыта полностью закрытые, поскольку обрастают фризами, которые начинаются возле скакательных и запястных суставов.

— Гав-гав.

— Говорит, это детям в лесу опасно бродить в одиночку, — перевел Финли.

— Ах ты наглец!

Зверь присел на передние лапы и выпятил задницу. Хвост, как тяжелый маятник, быстро раскачивался из стороны в сторону. Пес предвкушал игру.

— Ладно, развлекайтесь, а мы бревна отвезем, — сказал Финли. — Пошли, Монстр.

Жеребец фыркнул и пошел ровным шагом, высоко задирая голову, будто тянул не телегу, а королевскую карету.

— Каков гордец, — улыбнулся Лиам.

— Гав, — согласился Зверь.

— А ты, — Лиам указал пальцем на Зверя, — сейчас получишь. — Он вытянул стилет из ножен и бросил в дерево, на котором уже висел обрез. Не хотел случайно поранить пса.

Восприняв это как команду, Зверь прыгнул, но Лиам оказался шустрее, увернулся, сразу же прыгнул на пса, и вот уже Зверь еле выскочил из его рук. За игрой человек и пес позабыли, что находятся не дома за надежными стенами, а в лесу. Они сделали самую непростительную ошибку — потеряли бдительность. Лес часто прощает такое, но не всегда. На этот раз не повезло.

Первым почувал неладное Зверь, отскочил от Лиамы и рывкнул. Не так, как раньше, а оглушительно громко, с угрозой и вызовом. Лиам тотчас насторожился, но там, куда смотрел Зверь, увидел только лиса.

— Просто лис, — сказал Лиам и проклял себя за глупость. — Зверь, не лезь!

Лис создание умное и никогда не попадет на глаза волкодаву по доброй воле, тем более не будет вот так стоять перед ним. А уж случайность при той возне, которую тут устроили, можно было исключить. Лис пришел на шум, а значит, не чувствовал страха. Словно в подтверждение тот оскалил длинную зубастую пасть. Меж острых клыков белели мелкие пузырьки пены.

— Приведи Финли, — приказал Лиам.

— Уф? — то ли удивился, то ли обиделся Зверь.

— Меня вылечат, если что, а тебя вряд ли. — Топоры далеко, стилет с обрезом тоже. Лиам достал последнюю защиту — короткий скиннер. Требовалось отвлечь внимание от пса. Зверь же зарычал и нехотя сделал несколько шагов назад.

Лис мутными глазами смотрел на удаляющегося пса, на приближающегося человека и никак не мог выбрать, на кого броситься. Лиам тихо наступал. Не по прямой, каждый шаг приближал его к дереву со стилетом и обрезом. Зверь отступил за кустарник, и цель у лиса осталась одна, он ринулся в атаку. Лиам понял, что не успеваешь подскочить к оружию, поэтому перехватил скиннер в левую и немного согнул ноги в коленях, готовясь отразить атаку. И, поступив так, оказался совершенно прав.

Лис прыгнул. Лиам перехватил его правой за лапу, а скиннером постарался полоснуть по горлу, выворачиваясь при этом, чтобы отбросить животное на толстый ствол соседнего бука. Рывок прошел почти идеально, если не считать того, что вместо горла нож скользнул по подбородку. Лису все нипочем. Его конкретно приложило о дерево, но он почти сразу вскочил на ноги и вновь прыгнул на Лиам. Видать, зверя то ли контузило, то ли повредило мышцы, потому как Лиам легко увернулся, оказавшись при этом еще на пару шагов ближе к дереву с оружием. Лис постарался вцепиться в ногу и получил крепкого пинка под ребра, а Лиам оказался в шаге от дерева. Достать с ветки кобуру, потом еще вынимать обрез времени не было. Лиам схватил стилет, бешеный лис прыгнул вновь.

— Да у тебя как минимум пара ребер сломана, — восхитился Лиам и ударил стилетом.

Длинное трехгранное лезвие вошло точно в глотку, клацнула пасть уже мертвого зверя.

Лиам от всей души выругался. Даже мертвым лис сумел достать человека. Клыки оставили на указательном пальце маленькую царапину. Даже можно сказать — крохотную, но этого было достаточно, чтобы заболеть. Как ужаленный пчелой в задницу, Лиам дал старт с места. Такому позавидовали бы и чемпионы академии по бегу.

— Фи-инли-и-и! — заорал он во всю глотку, не сбавляя скорости. На отца налетел, едва выбежав из лесу. — Лис бешеный, там он меня...

— Брось, брось! — успокаивающе приговаривал Финли, пятась от перевозбужденного Лиама.

— Что?

— Стилет, дурень.

— А, это... — Лиам только заметил, что и скиннер, и окровавленный стилет еще в руках. Осознав, что активно жестикулировал, парень разжал руки, и железо полетело на землю.

— Хорошо, что с лисом?

— Заколел.

— Хорошо, где укус?

— Вот! — со страхом в голосе и дрожью в руках Лиам выставил вперед указательный палец, едва не выколов Финли глаз.

Чтобы рассмотреть страшную рану, Финли пришлось схватить Лиама за запястье, а то рука дергалась, как лист на ветру.

— Да успокойся ты, вылечу! — гаркнул Финли.

— Правда? А то Волчонок рассказывал, у них в деревне трое парней от бешенства померло. Страшно рассказывал. Я не хочу такой смерти.

— Лекарство от головных болей когда принимал?

— Четыре... нет, пять дней назад. Пять дней назад вечером. А это зачем?

— Зелья разные, мешать друг другу будут. Так что извини, на период лечения вдобавок к галлюцинациям тебе еще и головные боли гарантированы.

— Главное, не помру, а остальное ерунда, — наконец-то пришел в себя Лиам. Он впервые почувствовал холодящее затылок дыхание смерти.

ГЛАВА 6

— Выпей, — приказал Финли, подав Лиаму рюмку с мутно-зеленой жидкостью.

— Что это?

— Пей давай.

Лиам осушил рюмку одним махом. В горле страшно запершило, на глаза навернулись слезы.

— Ух... твою же... Хотя бы предупредил, что такое крепкое.

— Конечно, крепкое, я виски пять раз очищал, прежде чем настойку делать.

— Меня когда зельеварению обучишь? Оно же не запрещено, да и травы уже давно знаю.

— Нет у тебя таланта к зельеварению. Пойди лучше ляг, пока стоя не уснул.

— Так это снотворное? — Лиам зевнул и поспешил в свою комнату. Финли же направился в мастерскую. Помимо верстаков в стружках металла, устройств снаряжения патронов и сушившегося на старых газетах пороха в мастерской стоял шкаф с тремя замками. Финли достал из кармана связку мелких ключей, отличавшихся только резьбой зубцов, отобрал нужные. Тихо шелкнули смазанные пружины, открылись дверцы, обнажив два ряда ящичков, тоже закрытых. Финли присел к самому нижнему правом ряду. Перебирая ключики, постарался вспомнить, какой из них... Давно уже не пользовался. Наконец нужный ключ отыскался, и Финли выудил из ящичка длинный металлический футляр.

С ним направился на кухню, поставил футляр на заранее разожженную плиту. Внутри оказался набор хирургических инструментов. Финли влил кипяченой, но уже остывшей воды. Пока она закипала по новой, сбегал на чердак, нащипал разных сушащихся под балками трав. Приготовил медный тазик, откупорил бутылку крепчайшего виски, а также наполнил настойками несколько маленьких скляночек. Все это перенес в комнату мирно сопящего Лиама. Когда в футляре забулькало, обернул его полотенцем и слил всю воду в помойное ведро.

Развернув парня животом вниз, Финли заменил подушку на твердый тяжелый валик, поправил голову и привязал длинными ремнями так, чтобы она оставалась неподвижной. Заранее приготовленным виски вымыл руки в тазике, а после внимательного ощупывания и разгребания густых волос еще примерно полрюмки вылил Лиаму на затылок. Потом одним ловким движением скальпеля сделал маленький серповидный надрез, подковырнул, зажимом оттянул кожу, а пинцетом вытянул серебряный полумесяц.

Осторожно, стараясь держать серебро на вытянутой руке, вынес его в мастерскую и бросил в рюмку с виски. Когда изба-

вился от этой мелочи, вздохнул с облегчением. Капля настойки из склянки срастила ранку за пару секунд, и Финли убрал ремни. Дальше пошла работа попроще и попривычней. В свободную склянку Финли набросал трав, залил их виски, а потом еще добавил по несколько капель других настоек, закрыл пробкой и сильно взболтал. Оставалось только прибраться. Подготовку к лечению Финли закончил.

ГЛАВА 7

Как Финли и обещал, головная боль вернулась. Собственно, от нее Лиам и проснулся, правда, была она не так сильна, как обычно. Раньше успевал почувствовать только бабочек, первый мучительный толчок, а потом мир пропадал. Во время помутнений можно было просто отрубиться, а можно было еще и ходить некоторое время. Сейчас же голова гудела, как храмовый колокол, а картинки, появляющиеся перед глазами, сильно отставали от поворотов головы. Лиам уже развернул голову в сторону двери, а все еще видел стену. Но вот картинка дернулась, и двери медленно приплыли на место. От неожиданности Лиам зажмурился, но проклятые двери так и стояли перед глазами. Он открыл глаза и погрузился в полную тьму.

— Финли-и-и, — позвал Лиам. И тут же подумал: «Слава богу, хоть звук не отстает».

— Гав! — прозвучало со стороны двери. Через секунду там появился Зверь, всем видом излучавший тревогу и заботу.

Лиам почувствовал, что его начинает мутить.

— Зверь, будь добр, приведи Финли. — Лиам вновь лег на кровать и закрыл глаза, слушая, как стучат когти по деревянному полу.

— Как там наш больной? — осведомился Финли, едва переступив порог комнаты.

— Да не ори ты так, — возмутился Лиам и едва не оглох от своего же голоса.

— Это не я, симптомы проявляться начинают. К вечеру еще и жуткий жар будет.

— Странно, Волчонок по-другому рассказывал.

— Так тех парней наверняка по-другому лечили, если лечили вообще.

— А со зрением проблемы тоже от этого?

— Наверняка. Дать повязку?

— Давай. — Лиам сел и подождал, пока Финли завяжет глаза полоской ткани.

— А что с лисом? — вспомнил парень.

— Сжег, чтобы звери не заразились.

— Мне это уже не поможет.

— На столе лекарство стоит, вот оно поможет. Пить по глотку рано утром и вечером. Постараюсь следить, чтобы принимал, но, если особо хреново станет, — хлебни, оно лишним не будет. Тазик под кроватью, если потянет на рвоту. И заранее предупреждаю, что с завтрашнего дня буду привязывать к кровати.

— И долго лечиться?

— Примерно неделю.

— Пошли есть. — Финли подал Лиаму руку, чтобы тот хоть как-то ориентировался.

— Ура, обед!

— Вообще-то ужин.

— Я полдня проспал?

— Нет, больше суток.

Держась за мозолистую руку отца, как в детстве, Лиам пошел на кухню. Финли помог сесть на табурет и придвинуться к столу. Налил тарелку ароматного бобового супа с копченой олениной. — Ты хоть ложку до рта донесешь? — спросил он Лиама.

— Не бойсь, есть вещи, которые можно и с закрытыми глазами делать! — В желудке парня заурчало от нахлынувших запахов. Взялся левой рукой за глиняную тарелку и опустил ложку. — Не горячее?

— Нет, — ответил Финли и на миг остолбенел, глядя, как суп в тарелке вскипает. — Но ты лучше подуй, остуди. — Лиам послушался совета и подул на ложку. Кипевшая до этого жидкость покрылась коркой льда. — Блин, извини, парень, только что вспомнил, — с досадой в голосе произнес Финли.

— Что? — Лиам так и замер с обледеневшей ложкой.

— Бобы нежелательно сейчас кушать. — Отец отобрал ложку и отодвинул тарелку с кипятком.

— Блин, Финли, а когда варил, нельзя было вспомнить?

— Вот. — Финли ткнул парню в губы кусок копченой оленины.

— Осторожно. — Лиам схватил рукой длинный ломоть мяса. — В рот зачем совать?! — Он со злостью откусил большой кусок и начал энергично жевать. Финли облегченно вздохнул. — А хлеб, сыр, этого тоже нельзя?

— Почему? Можно.

— Ну так давай.

Финли отрезал краюху хлеба, водрузил сверху ломоть сыра и вложил в левую руку Лиама.

— А запить чем-то? Оно же в горло еле лезет.

— Вот, чай из трав, холодный. — Финли налил чашку. — Перед тобой поставил.

— Ага. — Лиам положил на стол хлеб с сыром и начал шарить, ища чашку. Финли никак не мог отвести взгляда от зависшего в нескольких сантиметрах над столом бутерброда. — А чего сладкий такой?

— Что? — отвлекся Финли.

— Чай, говорю, почему сладкий такой? — Лиам отпил где-то четверть и поставил чашку на стол таким же макаром, что и бутерброд. Вот только она зависла выше и кривее.

— Мед... Я с медом случайно переборщил.

— Бывает. — Рука Лиама безошибочно определила, где лежит или, вернее, висит бутерброд. Парень ничего необычного не заметил. Так повторялось несколько раз. Чашка все время зависала над столом по-новому, а вот бутерброд ложился точно так же, пока наконец Лиам не заявил: — Все, больше не лезет, — после чего стукнул пустой чашкой по столу.

Она так и осталась стоять косо, упершись в стол краешком и зависнув в воздухе остальной частью дна. А куцый огрызок бутерброда невозмутимо повис на своем месте.

— Ничего, я думаю, Зверь не откажется от угощения.

— Уф, — подтвердил Зверь.

— А сейчас давай в туалет проведу, потом помогу испачкаться.

— Издеваешься?

— Стыдишься? Не стоит, если не забыл, это я тебе пеленки менял да задницу вытирал. И поверь, пах ты тогда не розами.

— Финли! — возмутился Лиам, на что тут же среагировала кружка — начала видимо накаляться. Стол под ней почернел, задымился.

— А что Финли? Пошли давай. — Отец вновь подал Лиаму руку, тот послушно встал.

— Ничего не горит?

— Нет, тебе показалось.

— Очень по-настоящему показалось, — усомнился Лиам. — До сих пор кажется. Я дым чую.

— Я же говорю, глюки. Еще и не такое будет мерещиться. Ты, главное, если что, меня зови сразу, а то еще учудишь чего.

ГЛАВА 8

Всю неделю, пока чудилась чертовщина, Лиам ходил с повязкой. То горелым запахнет, то затрещит что-то, а еще пару раз дверная ручка казалась мягкой, как глина. Финли предупредил, что если снимет повязку, то парень еще и увидит глюки. А Лиаму хватило и того, что пару раз видел сквозь повязку Зверя. Только вместо обычного пес представлял в облике огромной сияющей твари с когтями, не уступающими клыкам. Раз во время такого морока мельком увидел и Финли в облике огромного горца в сине-зеленом килте и с таким же пледом через плечо. Вот только лицо и все открытые участки тела были бледно-белого цвета. Не того белого, какой бывает у мертвцов, больных или сильно напуганных людей, а белого, как снег во время сумерек. На боку тяжелый палаш с грубой корзинообразной гардой. Лиам и сам любил прямые палаши, но как драться этой тяжелой дурой, не представлял.

— Финли, у тебя никогда эгландского¹ палаша не было?

---

¹ Эгландцы — народ, населяющий север Старой Бримии. Известны благодаря врожденной силе, любви к крепким напиткам и ношению килта. В большинстве своем — горцы, но встречаются и равнинные эгландцы.

— Почему же не было, у меня и сейчас в подвале парочка припрятана.

— Они же тяжеленные.

— Что верно, то верно. Драться таким тяжело, но он просто вырывает оружие из рук противника, если не разрубает пополам. А почему спрашиваешь?

— Привиделось.

— Понятно.

Пик глюков пришелся на утро пятого дня. Тогда Лиам действительно пришлось привязать к кровати. Но к вечеру того же дня вместе с жутким жаром глюки ушли. Лиам спокойно проспал до утра. А в конце недели впервые снял повязку.

— Это только на пару часов. Не будем рисковать, — заявил тогда Финли.

Но прошел еще день, а глюков так и не было. Лиам просился за хутор, но уломать отца так и не смог, до тех пор пока не появился Грэг. На этот раз такой же лохматый и бородатый, как Финли. Грэг завалился на хутор, когда Лиам, сидя в тени перед домом, подгонял рукоятку нового револьвера отца под себя.

— Здорово, студент, — протянул он Лиаму руку.

— Привет, Грэг, — ответил на рукопожатие Лиам. — Я курсант.

— Один хрен, — отмахнулся Грэг. — Ты чего бледный такой?

— Болею. Неделю из дома не вылезал.

— Подцепил... — Грэг понимающе подмигнул. — Надеюсь, оно того стоило?

— Да иди ты! Меня лис бешеный укусил. Это вы с Финли вечно гостинцы из борделей таскаете.

— Неправда, — совершенно серьезно ответил Грэг. — Мы ходим только в надежные места, — и добавил доверительным тоном: — Могу посоветовать.

— Да не надо.

— Ну не хочешь, как хочешь. А «Три лисы» к академии ближе всего.

— Так это же обычный паб! — удивился Лиам.

— А для тех, кто тихонько скажет бармену волшебные слова, — не только. Но ты же не интересуешься. Ладно, где твой старик?

— В мастерской, патроны делает. Не называй его стариком, он этого не любит.

— Именно потому и называю.

— Грэг, — не сдержался Лиам. — А какие слова волшебные?

— Джин с вишенкой.

Через полчаса Финли вышел в полном обмундировании. Высокие кожаные сапоги, штаны и рубашка из конопляной парусины, тяжелый походный ранец со скаткой шерстяного одеяла да однозарядная винтовка. В кобуре на правом боку один из новых револьверов, слева в ножнах — скиннер, а на левом предплечье — ножны с длинным, как у Лиамы, стилетом. Только стилет Финли был четырехгранным и имел короткую гарду. Как раз для хвата через крестовину.

— Ты в бордель всегда с винтовкой ходишь?

— На этот раз в Окенхолт пойдем.

— А чего так далеко? Туда же несколько дней переться.

— Три, если лесом идти, а еще немного там задержусь.

— Много взял?

— Не твое дело, — ответил Финли.

— Надеюсь, после твоего похода не останемся без денег?

— Можешь не переживать. За частокол ни ногой и лекарство пей регулярно.

— Нормально! — возмутился Лиам. — Сам к шлюхам, а меня дома оставляет.

— Не только, еще и снаружи запрау.

— Думаешь, это меня остановит?

— На какое-то время. А потом приду и поколочу, если узнаю, что выбирался.

— А как узнаешь?

— Оставлю Зверя. Как надзирателя.

ГЛАВА 9

В последние минуты Грэг образумил-таки Финли, сказав, что Лиам легко сможет перебраться через частокол, а пес останется внутри. Поэтому не нужно вешать замки на двери и во-

рота. Пускай лучше пес везде следует за парнем. Особого выбора не было, и Финли согласился.

Лиам тоже проявил благоразумие и не побежал в лес. Сначала спилил все лишнее с металлической части рукояти нового револьвера, потом подогнал по размеру две ясеневые дощечки и под конец лобзиком нанес на дерево неглубокую сетку порезов, чтобы рукоять никогда не скользила в руке.

И даже после этого не пошел в лес, а стал тренироваться в стрельбе и быстрой перезарядке. Для этого на хуторе использовались толстые деревянные срезы на треногах. Самый большой срез имел в диаметре полметра, а вот в толщину был всего сантиметров двадцать. С него Лиам и начал тренировку.

Вложив револьвер в кобуру, парень тут же быстро выхватил его и навел на мишень. Так повторялось несколько раз, пока наконец не выдавил барабан и не нажал на кнопку экстрактора. Патроны посыпались на землю, и Лиам быстро наполнил барабан теми, что были в поясном патронташе. Еще шесть вообразаемых выстрелов — и новая замена. Парень с радостью расстрелял бы весь боезапас сразу, но тогда пришлось бы самому снаряжать новые патроны в мастерской, а это дело он не любил. В итоге Лиам сделал только двенадцать настоящих выстрелов, кучно нашпиговав сердцевину мишени свинцом.

С пистолета он переключился на стилет — быстро вгнал его в деревянную колоду и старался так же быстро вытаскивать. Действовал не своей сталью, а тренировочной железякой Финли. После этого ее пришлось равнять и затачивать. Последним упражнением было метание уже собственного стилета. Только после этого Лиам почувствовал, что готов выйти в лес, но на хутор спустились сумерки, а живот шумно потребовал еды.

С утра пораньше, перекусив куском копченой оленины и угостив таким же Зверя, Лиам нацепил кобуру с револьвером, потом ножны со стилетом. — Ну что, Зверь, погуляем?

— А может, не стоит? — переспросил пес, лениво повернув голову. Собственно, прозвучало это как «вруф-уф», но Лиам понял.

— Чего?! — распахнув рот от удивления так, что можно было и челюсть вывихнуть, переспросил он.

— Говорю, может, не стоит? — вновь сказал Зверь.

— Э-э-э. Знаешь, Зверь, я лучше пойду, лекарство выпью да полежу.

— Хорошая идея, — поддержал пес.

У себя в комнате Лиам схватил со стола склянку с лекарством и отпил большой глоток, потом посмотрел в шкафу, там стояло еще две бутылки, и сделал для надежности еще один глоток. Не каждый же день с тобой лохматые волкодавы разговаривают. В кровати пролежал до обеда, и лежал бы дольше, да вскоре опять начало урчать в животе. Зверя на кухне не было, Лиам позвал, в одну миску налил воды, а во вторую положил сыра и хлеба с олениной. Сам ел то же самое, хотя и запивал холодным чаем. Когда прибежал Зверь, Лиам осторожно спросил:

— Зверь, ты умеешь говорить?

— Гав, — ответил Зверь. И значило это «гав».

— Хорошо, совсем-совсем не умеешь? — уже более уверенно спросил Лиам.

— Уф, — ответил Зверь, пережевывая хлеб. И, к превеликой радости Лиама, значило это «уф».

— Прекрасно, значит, пойдем на луг. В лес пока не сунемся, но на луг, наверное, можно.

Говорить с псом Лиам не считал чем-то необычным. Сколько мог припомнить, Финли всегда говорил. Да и Зверь всегда проявлял прекрасную сообразительность. Но вот допустить, что пес действительно может говорить... Лиаму даже представить такое было трудно, ведь для этого нужна магия, а ее в Союзе Шилов осталось ну очень мало.

ГЛАВА 10

Финли вернулся домой через полторы недели, и не со стороны Окенхолта, а со стороны мертвых деревень. Весь пыльный, грязный и даже исхудавший. На левом рукаве посередине плеча отчетливо проступало пятно крови. О ране говорила и сквозная дыра в рубашке.

— Шлюхи у нас теперь еще и постреливают? — спросил Лиам.

— Шлюхи всегда любили стрельбу, но это не их подарочек.

— А чего от тебя женщинами не пахнет?

— Откуда ты знаешь, как пахнут женщины?

— Ну... — Лиам густо покраснел.

— Это пять дней назад было. Любой запах выветрился бы.

— Да я носом лучше чують начал. Со зрением и слухом та же штука. Так вот, пороховым дымом от тебя несет конкретно, потом — как от Монстра, а женщинами ни грамма.

— На полдороге, когда шли обратно, забрели в заброшенное селение и наткнулись на мародеров.

— Это ж какими кругами вы ходили?

— Не важно. Грэг нашел еще один не оскверненный храм Триумvirата. Хотели зайти помолиться. Пришли, когда эти уроды серебро из храма выносили.

— И?

— Осквернили они храм, — тяжело вздохнул Финли.

— Я спрашиваю: с мародерами что?

— А, пристрелили.

— А серебро?

— Вернули в храм.

— Так забрал бы себе, храм же оскверненный.

— Забрать серебро из храма можно только с разрешения священника, — совершенно серьезно ответил Финли.

— Только бы никто не узнал, что это вы их положили, — покачал головой Лиам.

— В лес ходил? — серьезно спросил Финли, видать, чтобы сменить тему.

— На лугу был, в лесу — нет.

— А мы сейчас Зверя спросим. Зве-эрь!.. — Тот появился почти сразу, прибежал из-за курятника, весело помахивая хвостом. — Ну что, бегал он в лес?

— Гав, — ответил пес.

— Чего? — удивился Финли.

— Гав, — повторил Зверь.

— Понятно, — сказал Финли и посмотрел пронизывающим взглядом сначала на Лиама, а потом на пса. — Говорит, что бегал туда каждый день.